

С. МАРШАК

СКАЗКА
И
БЫЛЬ

С. МАРШАК

СКАЗКА
И
БЫЛЬ

МИНСК «МАСТАЦКАЯ ЛІТАРАТУРА» 1977

Рисунки В. ПОЩАСТЬЕВА

М $\frac{70801-068}{М 302(05)-77}$ 203-77

© Издательство «Мастацкая літаратура», 1977 г.

НАШ ГЕРБ

Различным образом державы
Свои украсили гербы.
Вот леопард, орел двуглавый
И лев, встающий на дыбы.

Таков обычай был старинный,
Чтоб с государственных гербов
Грозил соседям лик звериный
Оскалом всех своих зубов.

То хищный зверь, то птица злая,
Подобье потеряв своё,
Сжимают в лапах, угрожая,
Разящий меч или копьё.

Где львов от века не бывало,
С гербов свирепо смотрят львы
Или орлы, которым мало
Одной орлиной головы!

Но не орел, не лев, не львица
Собой украсили наш герб,
А золотой венок пшеницы,
Могучий молот, острый серп.

Мы не грозим другим народам,
Но бережём просторный дом,
Где место есть под небосводом
Всему, живущему трудом.

Не будет недругом расколот
Союз народов никогда.
Неразделимы серп и молот,
Земля, и колос, и звезда!

КНИЖКА ПРО КНИЖКИ

1

У Скворцова
Гришки
Жили-были
Книжки —
Грязные,
Лохматые,
Рваные,
Горбатые,
Без конца
И без начала,
Переплёты —
Как мочала,
На листах —
Каракули.
Книжки
Горько
Плакали.

2

Дрался Гришка с Мишкой,
Замахнулся книжкой,
Дал разок по голове —
Вместо книжки стало две.

3

Горько жаловался Гоголь:
Был он в молодости щёголь,
А теперь, на склоне лет,
Он растрёпан и раздет.

4

У бедняги Робинзона
Кожа содрана с картона,
У Крылова вырван лист,
А в грамматике измятой
На странице тридцать пятой
Нарисован трубочист.

В географии Петрова
Нарисована корова
И написано: «Сия
География моя.
Кто возьмёт её без спросу,
Тот останется без носу!»

4

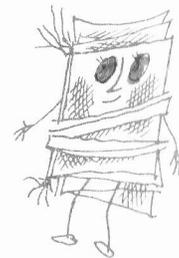
— Как нам быть? —
спросили книжки. —
Как избавиться от Гришки?

И сказали братья Гримм:
— Вот что, книжки, убежим!

Растрёпанный задачник,
Ворчун и неудачник,
Прошамкал им в ответ:
— Девчонки и мальчишки
Везде калечат книжки.
Куда бежать от Гришки?
Нигде спасенья нет!

— Умолкни, старый минус, —
Сказали братья Гримм, —
И больше не серди нас
Брюзжанием своим!

5

Бежим в библиотеку.
В центральный наш приют,—
Там книжку человеку
В обиду не дают!

— Нет,— сказала «Хижина
Дяди Тома».—
Гришкой я обижена,
Но останусь дома!

— Идём! — ответил ей Тимур,—
Ты терпелива чересчур!

— Вперёд! — воскликнул Дон Кихот,
И книжки двинулись в поход.

5

Беспризорные калеки
Входят в зал библиотеки.
Светят лампы над столом,
Блещут полки за стеклом.

В переплётах тёмной кожи,
Разместившись вдоль стены,
Словно зрители из ложи,
Книжки смотрят с вышины.

Вдруг
Задачник
Неудачник
Побледнел
И стал шептать:
— Шестью восемь —
Сорок восемь.
Пятью девять —
Сорок пять!

6

География в тревоге
К двери кинулась, дрожа.
В это время на пороге
Появились сторожа.

Принесли они метёлки,
Стали залы убирать,
Подметать полы и полки,
Переплёты вытирать.

Чисто вымели повсюду:
И за вешалкой, в углу,
Книжек порванную грудку
Увидали на полу —

Без конца и без начала,
Переплёты — как мочала,
На листах — каракули...
Сторожа заплакали:

— Бесприютные вы, книжки,
Истрепали вас мальчишки!
Отнесём мы вас к врачу,
К Митрофану Кузьмичу.

Он вас, бедных, пожалеет,
И подчистит, и подклеит,
И обрежет, и сошьёт,
И оденет в переплёт!

6

Песня библиотечных книг
К нам, беспризорные
Книжки-калеки,
В залы просторные
Библиотеки!

7

Книжки-бродяги,
Книжки-неряхи,
Здесь из бумаги
Сошьют вам рубахи.

Из коленкора
Куртки сошьют,
Вылечат скоро
И паспорт дадут.

К нам, беспризорные
Книжки-калеки,
В залы просторные
Библиотеки!

7

Вышли книжки из больницы,
Починили им страницы,
Переплёты, корешки,
Налепили ярлыки.

А потом в просторном зале
Каждой полку указали.

Встал задачник в сотый ряд,
Где задачники стоят.

А Тимур с командой вместе
Встал на полку номер двести.

Словом, каждый старый том
Отыскал свой новый дом.

8

А у Гришки неудача:
Гришке задана задача.

Стал задачник он искать.
Заглянул он под кровать,
Под столы, под табуретки,
Под диваны и кушетки.
Ищет в печке, и в ведре,
И в собачьей конуре.

Гришке горько и обидно,
А задачника не видно.
Что тут делать? Как тут быть?
Где задачник раздобыть?
Остаётся — с моста в реку
Иль бежать в библиотеку!

9

Говорят, в читальный зал
Мальчик маленький вбежал
И спросил у строгой тёти:

— Вы тут книжки выдаёте?
А в ответ со всех сторон
Закричали книжки: — Вон!

От автора

Написал я эту книжку
Много лет тому назад,
А на днях я встретил Гришку
По дороге в Ленинград.

Он давно уже не Гришка,
А известный инженер.
У него растёт сынишка,
Очень умный пионер.

Побывал у них я дома,
Видел полку над столом,
Пятьдесят четыре тома
Там стояли за стеклом.

В переплётах — в куртках новых,
Дружно выстроившись в ряд,
Встали книжки двух Скворцовых,
Точно вышли на парад.

А живётся им не худо,—
Их владельцы берегут.
Никогда они оттуда
Никуда не убегут!

ПОЧТА

Борису Житкову

1

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?

Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

У него
Сегодня много
Писем
В сумке на боку,—
Из Ташкента,
Таганрога,
Из Тамбова
И Баку.

В семь часов он начал дело,
В десять сумка похудела,
А к двенадцати часам
Всё разнёс по адресам.

2

— Заказное из Ростова
Для товарища Житкова!

— Заказное для Житкова?
Извините, нет такого!
В Лондон вылетел вчера
В семь четырнадцать утра.

3

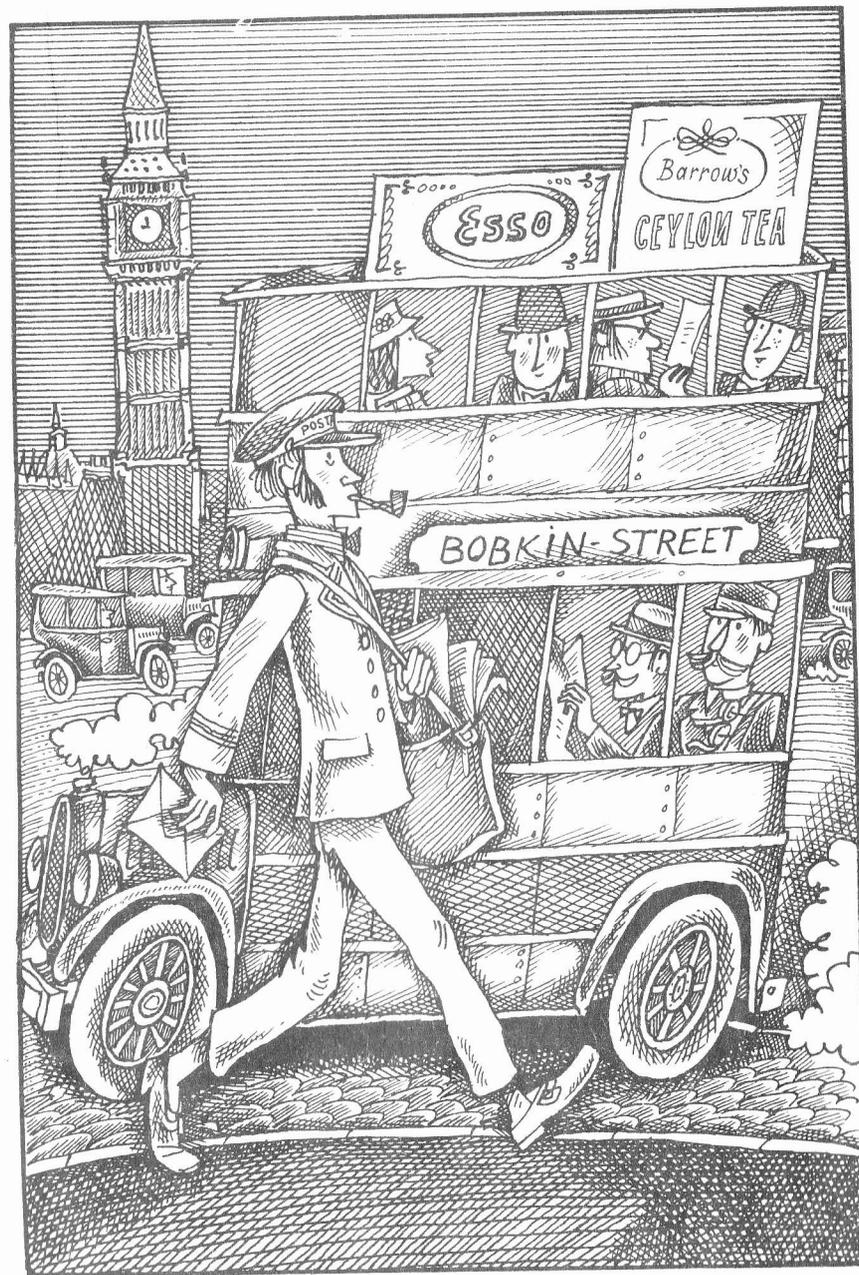
Житков за границу
По воздуху мчится —
Земля зеленеет внизу.
А вслед за Житковым
В вагоне почтовом
Письмо заказное везут.

Пакеты по полкам
Разложены с толком,
В дороге разборка идёт,
И два почтальона
На лавках вагона
Качаются ночь напролёт.

Открытка —
В Дубровку,
Посылка —
В Покровку,
Газета —
В Ростов-на-Дону.
Письмо —
В Бологое.
А вот заказное
Поедет в чужую страну.

4

Письмо
Само
Никуда не пойдёт,
Но в ящик его опусти —
Оно пробежит,
Пролетит,
Проплывёт
Тысячи вёрст пути.

Нетрудно письму
Увидеть свет:
Ему
Не нужен билет.
На медные деньги
Объедет мир
Заклеенный
Пассажир.

В дороге
Оно
Не пьёт и не ест
И только одно
Говорит:
— Срочное.
Англия.
Лондон.
Вест,
14, Бобкин-стрит.

5

Бежит, подбрасывая груз,
За автобусом автобус.
Качаются на крыше
Плакаты и афиши.
Кондуктор с лесенки кричит:
— Конец маршрута. Бобкин-стрит!

По Бобкин-стрит, по Бобкин-стрит
Шагает быстро мистер Смит
В почтовой синей кепке,
А сам он вроде щепки.

Идёт в четырнадцатый дом,
Стучит висячим молотком

И говорит сурово:
— Для мистера Житкова.

Швейцар глядит из-под очков
На имя и фамилию
И говорит: — Борис Житков
Отправился в Бразилию.

6

Пароход
Отойдёт
Через две минуты.
Чемоданами народ
Занял все каюты.

Но в одну
Из кают
Чемоданов не несут.
Там поедет вот что:
Почтальон и почта.

7

Под пальмами Бразилии,
От зноя утомлён,
Бредёт седой Базилио,
Бразильский почтальон.

В руке он держит странное,
Измятое письмо.
На марке — иностранное
Почтовое клеймо

И надпись над фамилией
О том, что адресат
Уехал из Бразилии
Обратно в Ленинград.

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,
С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?

Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон!

Он протягивает снова
Заказное для Житкова.
— Для Житкова?
Эй, Борис,
Получи и распишись!

Мой сосед вскочил с постели:
— Вот так чудо в самом деле.
Погляди, письмо за мной
Облетело шар земной,
Мчалось по морю вдогонку,
Понеслось на Амазонку.
Вслед за мной его везли
Поезда и корабли.

По морям и горным склонам
Добрело оно ко мне.
Честь и слава почтальонам,
Утомлённым, запылённым,

Слава честным почтальонам
С толстой сумкой на ремне!

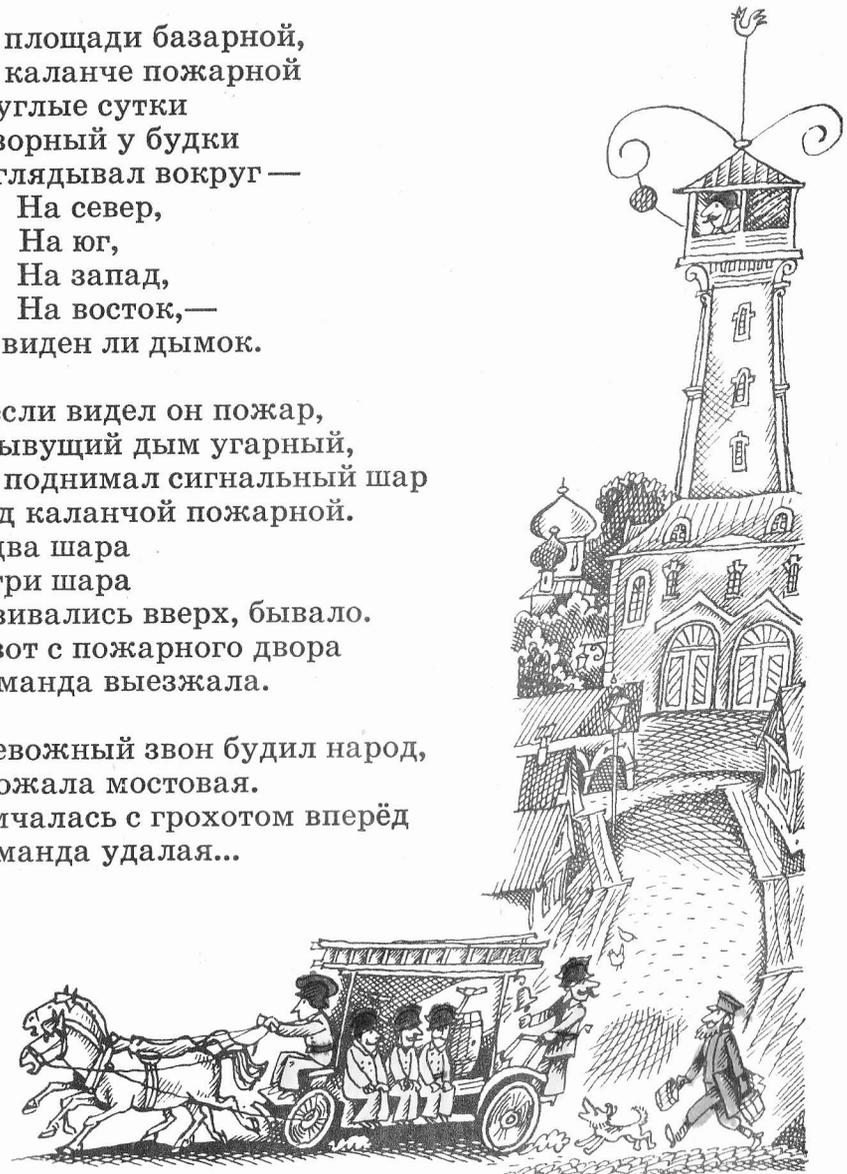

ПОЖАР

На площади базарной,
На каланче пожарной
Круглые сутки
Дозорный у будки
Поглядывал вокруг —
На север,
На юг,
На запад,
На восток, —
Не виден ли дымок.

И если видел он пожар,
Плывущий дым угарный,
Он поднимал сигнальный шар
Над каланчей пожарной.
И два шара
И три шара
Взвивались вверх, бывало.
И вот с пожарного двора
Команда выезжала.

Тревожный звон будил народ,
Дрожала мостовая.
И мчалась с грохотом вперёд
Команда удалая...

Теперь не надо каланчи,—
Звони по телефону
И о пожаре сообщи
Ближайшему району.

Пусть помнит каждый гражданин
Пожарный номер: ноль-один!

В районе есть бетонный дом —
В три этажа и выше —
С большим двором и гаражом
И с вышкой на крыше.

Сменяясь, в верхнем этаже
Пожарные сидят,
А их машины в гараже
Мотором в дверь глядят.

Чуть только — ночью или днём —
Дадут сигнал тревоги,
Лихой отряд борцов с огнём
Несётся по дороге...

Мать на рынок уходила,
Дочке Лене говорила:
— Печку, Леночка, не тронь.
Жжётся, Леночка, огонь!

Только мать сошла с крылечка,
Лена села перед печкой,
В щёлку красную глядит,
А в печи огонь гудит.

Приоткрыла дверцу Лена —
Соскочил огонь с полена,

Перед печкой выжег пол,
Влез по скатерти на стол,
Побежал по стульям с треском,
Вверх пополз по занавескам,
Стены дымом заволок,
Лижет пол и потолок.

Но пожарные узнали,
Где горит, в каком квартале.
Командир сигнал даёт,
И сейчас же —

в миг единый —

Вырываются машины
Из распахнутых ворот.

Вдаль несутся с гулким звоном.
Им в пути помехи нет.
И сменяется зелёным
Перед ними красный свет.

В ноль минут автомобили
До пожара докатили,
Стали строем у ворот,
Подключили шланг упругий,
И, раздувшись от натуги,
Он забил, как пулемёт.

Заклубился дым угарный.
Гарью комната полна.
На руках Кузьма-пожарный
Вынес Лену из окна.

Он, Кузьма,—
пожарный старый.
Двадцать лет тушил пожары,
Сорок душ от смерти спас,
Бился с пламенем не раз.

Ничего он не боится,
Надевает рукавицы,
Смело лезет по стене.
Каска светится в огне.

Вдруг на крыше из-под балки
Чей-то крик раздался жалкий,
И огню наперерез
На чердак Кузьма полез.

Сунул голову в окошко,
Поглядел...— Да это кошка!
Пропадёшь ты здесь в огне.
Полезай в карман ко мне!..

Широко бушует пламя...
Разметавшись языками,
Лижет ближние дома.
Отбивается Кузьма.

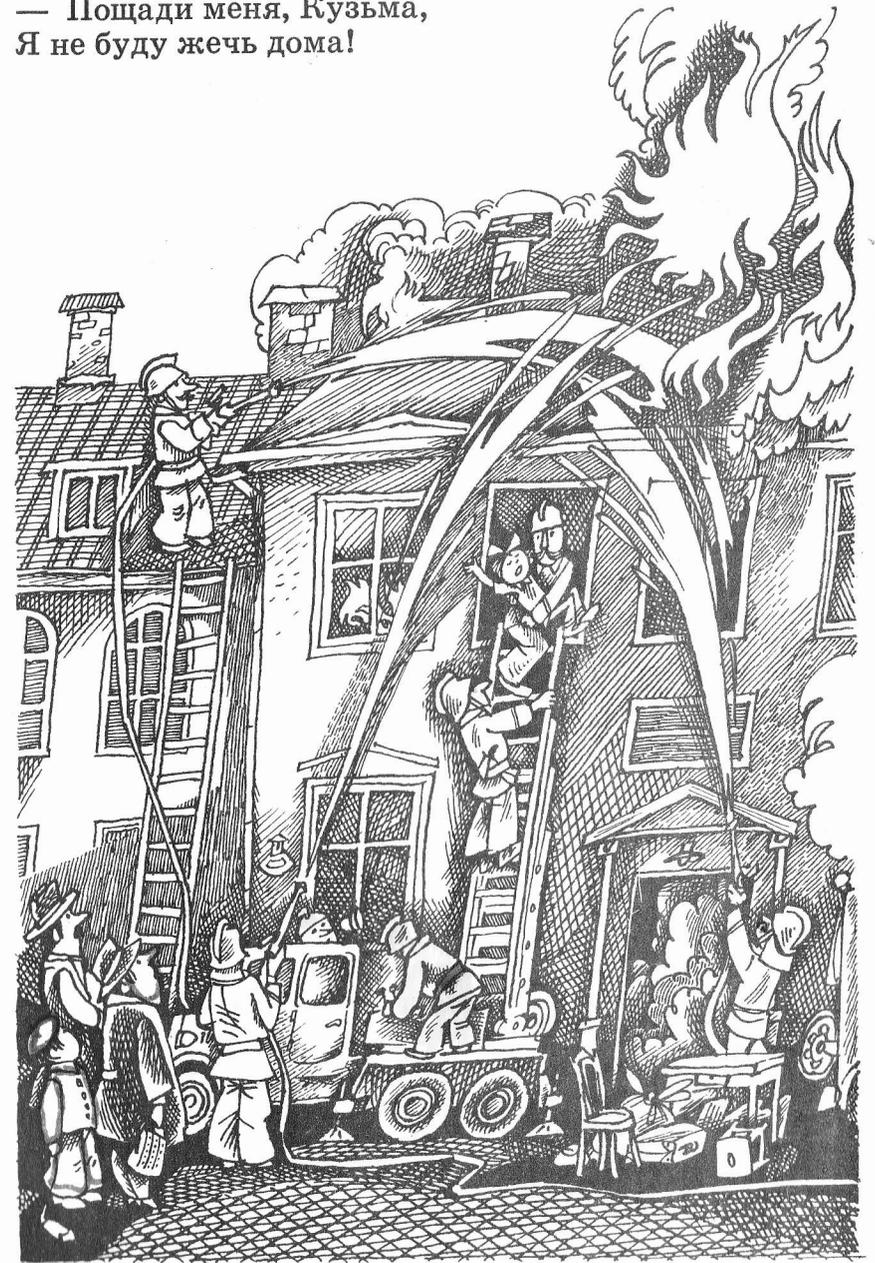
Ищет в пламени дорогу,
Кличет младших на подмогу,
И спешит к нему на зов
Трое рослых молодцов.

Топорами балки рушат,
Из брандспойтов пламя тушат.
Чёрным облаком густым
Вслед за ними вьётся дым.

Пламя ёжится и злится,
Убегает, как лисица.
А струя издалека
Гонит зверя с чердака.

Вот уж брёвна почернели...
Злой огонь шипит из щели:

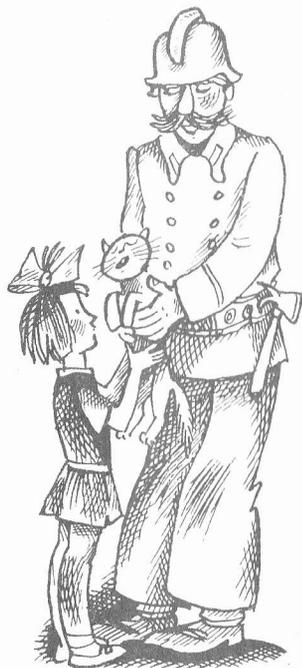
— Пощади меня, Кузьма,
Я не буду жечь дома!

— Замолчи, огонь коварный! —
Говорит ему пожарный. —
Покажу тебе Кузьму!
Посажу тебя в тюрьму!
Оставайся только в печке,
В старой лампе и на свечке!

На панели перед домом —
Стол, и стулья, и кровать...
Отправляются к знакомым
Лена с мамой ночевать.

Плачет девочка навзрыд,
А Кузьма ей говорит:
— Не зальёшь огня слезами,
Мы водою тушим пламя.
Будешь жить да поживать.
Только чур — не поджигать!
Вот тебе на память кошка.
Посуши ее немножко!

Дело сделано. Отбой.
И опять по мостовой
Понеслись автомобили,
Затрубили, зазвонили,
Едет лестница, насос.
Вьётся пыль из-под колёс.

Вот Кузьма в помятой каске.
Голова его в повязке.
Лоб в крови, подбитый глаз, —
Да ему не в первый раз.
Поработал он недаром —
Славно справился с пожаром!

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Лампа керосиновая,
Свечка стеариновая,
Коромысло с ведром
И чернильница с пером.

1

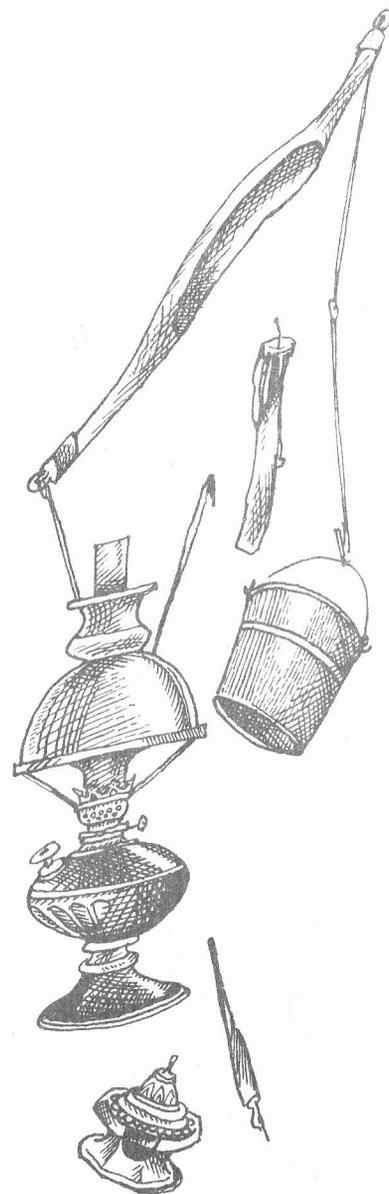
Лампа плакала в углу,
За дровами на полу:
— Я голодная,
Я холодная!
Высыхает мой фитиль.
На стекле густая пыль.
Почему —
Я не пойму —
Не нужна я никому?

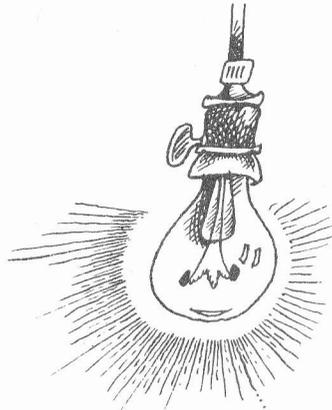
А бывало, зажигали
Ранним вечером меня.
В окна бабочки влетали
И кружились у огня.

Я глядела сонным взглядом
Сквозь туманный абажур,
И шумел со мною рядом
Старый медный балагур.

Познакомилась в столовой
Я сегодня с лампой новой.
Говорили, будто в ней
Пятьдесят горит свечей.

Ну и лампа! На смех курам!
Пузырёк под абажуром.

В середине пузырька —
Три-четыре волоска.

Говорю я: — Вы откуда,
Непонятная посуда?
Любопытно посмотреть,
Как вы будете гореть.
Пузырёк у вас запаян,
Как зажжёт его хозяин?
А невежа мне в ответ
Говорит: — Вам дела нет!

Я, конечно, загудела:
— Почему же нет мне дела?
В этом доме десять лет
Я давала людям свет
И ни разу не коптела.
Почему же нет мне дела?

Да при этом, — говорю, —
Я без хитрости горю.
По старинке, по привычке,
Зажигаюсь я от спички,
Вот как свечка или печь.
Ну, а вас нельзя зажечь.
Вы, гражданка, самозванка!
Вы не лампочка, а склянка!

А она мне говорит:
— Глупая вы баба!
Фитилёк у вас горит
Чрезвычайно слабо.
Между тем как от меня
Льётся свет чудесный,
Потому что я родня
Молнии небесной!

Я — электрическая
Экономическая
Лампа!

Мне не надо керосина.
Мне со станции машина
Шлёт по проволоке ток.
Не простой я пузырьёк!

Если вы соедините
Выключателем две нити,
Зажигается мой свет.
Вам понятно или нет?

2

Стеариновая свечка
Робко вставила словечко:
— Вы сказали, будто в ней
Пятьдесят горит свечей?
Обманули вас бесстыдно:
Ни одной свечи не видно!

3

Перо в пустой чернильнице,
Скрипя, заговорило:
— В чернильнице-кормилице
Кончатся чернила.

Я, старое и ржавое,
Живу теперь в отставке.
В моих чернилах плавают
Рогатые козявки.

У нашего хозяина
Теперь другие перья.

Стучат они отчаянно,
Палят, как артиллерия.

Запятые,
Точки,
Строчки —
Бьют кривые молоточки.

Вдруг разъедется машина —
Едет вправо половина...
Что такое? Почему?
Ничего я не пойму!

4

Коромысло с ведром
Загремело на весь дом:

— Никто по воду не ходит.
Коромысла не берёт.
Стали жить по новой моде —
Завели водопровод.

Разленились нынче бабы.
Али плечи стали слабы?
Речка спятила с ума —
По домам пошла сама!

А бывало, с перезвоном
К берегам её зелёным
Шли девицы за водой
По улице мостовой.

Подходили к речке близко,
Речке кланялися низко:
— Здравствуй, речка, наша мать,
Дай водицы нам набрать!

А теперь двухлетний внучек
Повернёт одной рукой
Ручку крана, точно ключик, —
И вода бежит рекой!

Так сказала коромысло
И на гвоздике повисло.

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.

Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки —
Оказалось, это брюки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто —
Говорят ему: не то.

Стал натягивать гамаши —
Говорят ему: не ваши.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Вместо шапки на ходу
Он надел сковороду.
Вместо валенок перчатки
Натянул себе на пятки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Однажды на трамвае
Он ехал на вокзал

И, двери открывая,
Вожатому сказал:

— Глубокоуважаемый
Вагоноуважатый!
Вагоноуважаемый
Глубокоуважатый!
Во что бы то ни стало
Мне надо выходить.
Нельзя ли у трамвала
Вокзай остановить?

Вожатый удивился —
Трамвай остановился.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Он отправился в буфет
Покупать себе билет.
А потом помчался в кассу
Покупать бутылку квасу.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внёс узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном...

— Это что за полустанок? —
Закричал он спозаранок.

А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Удивился и сказал:

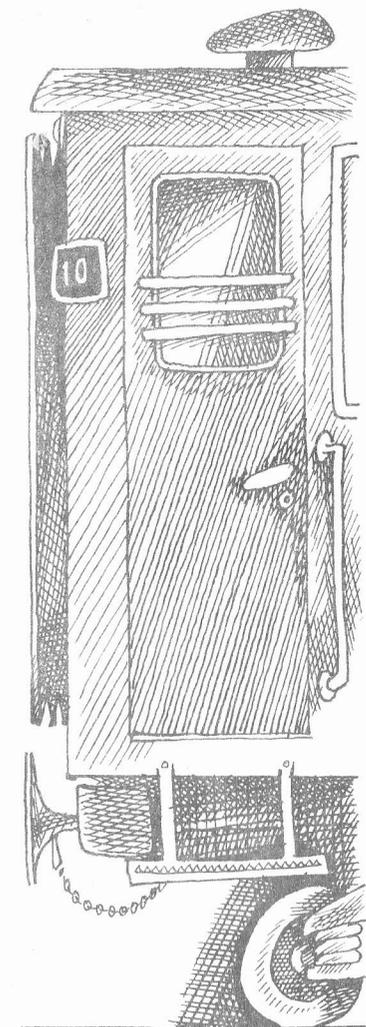
— Это что за остановка —
Бологое или Поповка?
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Он опять поспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:

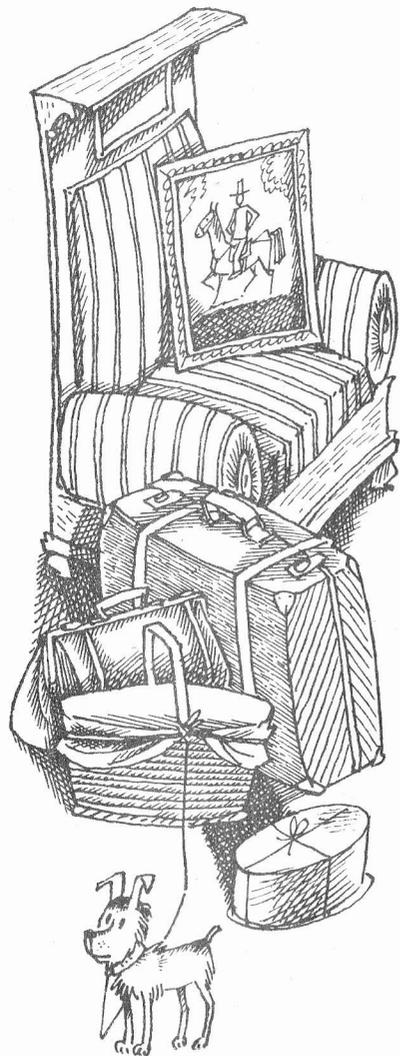
— Что за станция такая —
Дибунь или Ямская?
А с платформы говорят:
— Это город Ленинград.

Закричал он: — Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

БАГАЖ

Дама сдавала в багаж
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку
И маленькую собачонку.

Выдали даме на станции
Четыре зелёных квитанции
О том, что получен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка
И маленькая собачонка.

Вещи везут на перрон.
Кидают в открытый вагон.
Готово. Уложен багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзину,
Картонку
И маленькая собачонка.

Но только раздался звонок,
Удрал из вагона щенок.

Хватились на станции Дно:
Потеряно место одно.
В испуге считают багаж:

Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка...
— Товарищи!
Где собачонка?

Вдруг видят: стоит у колёс
Огромный взъерошенный пёс.
Поймали его — и в багаж,
Туда, где лежал саквояж,
Картина,
Корзина,
Картонка,
Где прежде была собачонка.

Приехали в город Житомир.
Носильщик пятнадцатый номер
Везёт на тележке багаж:
Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку,
А сзади ведут собачонку.

Собака-то как зарычит.
А барыня как закричит:
— Разбойники! Воры! Уроды!
Собака — не той породы!

Швырнула она чемодан,
Ногой отпихнула диван,
Картину,
Корзину,
Картонку...
— Отдайте мою собачонку!

— Позвольте, мамаша! На станции,
Согласно багажной квитанции,
От вас получили багаж:

Диван,
Чемодан,
Саквояж,
Картину,
Корзину,
Картонку

И маленькую собачонку.

Однако
За время пути
Собака
Могла подрасти!

ЗНАКИ ПРЕПИНАНИЯ

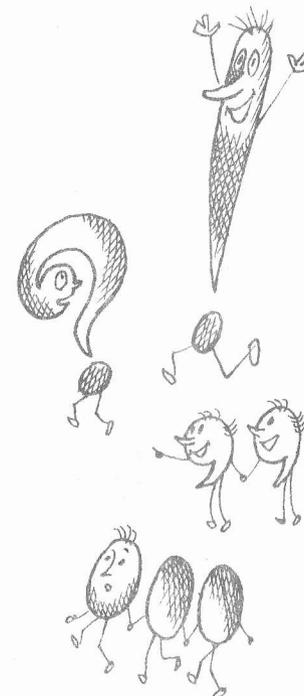
У последней
Точки
На последней
Строчке
Собралась компания
Знаков препинания.

Прибежал
Чудак —
Восклицательный знак.
Никогда он не молчит,
Оглушительно кричит:
— Ура!
Долой!
Караул!
Разбой!

Притащился кривоносый
Вопросительный знак.
Задаёт он всем вопросы:
— Кто?
Кого?
Откуда?
Как?

Явились запятые,
Девушки завитые.
Живут они в диктовке
На каждой остановке.

Прискакало двоеточие,
Прикатило многоточие.
И прочие, и прочие, и прочие...

Заявили запятые:
— Мы — особы занятые.
Не обходится без нас
Ни диктовка, ни рассказ.

— Если нет над нами точки,
Запятая — знак пустой! —
Отозвалась с той же строчки
Тётя точка с запятой.

Двоеточие, мигая,
Закричало: — Нет, постой!
Я важней, чем запятая
Или точка с запятой,—

Потому что я в два раза
Больше точки одноглазой.
В оба глаза я гляжу.
За порядком я слежу.

— Нет...— сказала многоточие,
Еле глазками ворочая,—
Если вам угодно знать,
Я важней, чем прочие.
Там, где нечего сказать,
Ставят многоточие...

Вопросительный знак
Удивился: — То есть как?
Восклицательный знак
Возмутился: — То есть как!

— Так,— сказала точка,
Точка-одиночка.—
Мной кончается рассказ.
Значит, я важнее вас.

КОТ И ЛОДЫРИ

Собирались лодыри
На урок,
А попали лодыри
На каток.

Толстый ранец с книжками
На спине,
А коньки под мышками
На ремне.

Видят, видят лодыри:
Из ворот
Хмурый и ободранный
Кот идёт.

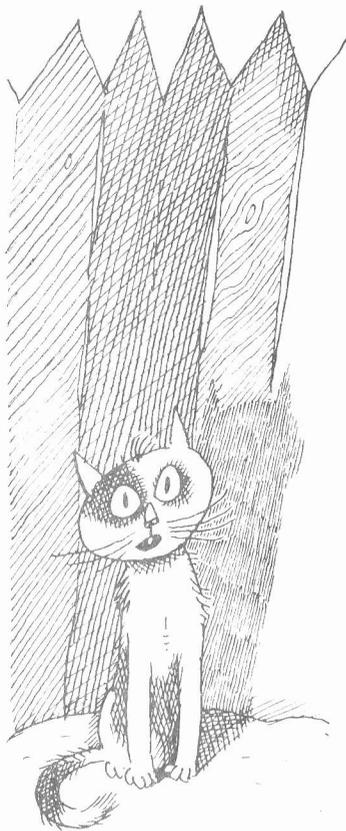
Спрашивают лодыри
У него:
— Ты чего нахмурился,
Отчего?

Замяукал жалобно
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.

И красив я, лодыри,
И умён,
А письму и грамоте
Не учён.

Школа не построена
Для котят.
Научить нас грамоте
Не хотят.

А теперь без грамоты
Пропадёшь,
Далеко без грамоты
Не уйдёшь.

Ни попить без грамоты,
Ни поесть,
На воротах номера
Не прочесть!

Отвечают лодыри:
— Милый кот,
Нам пойдёт двенадцатый
Скоро год.

Учат нас и грамоте
И письму,
А не могут выучить
Ничему.

Нам учиться, лодырям,
Что-то лень.
На коньках катаемся
Целый день.

Мы не пишем грифелем
На доске,
А коньками пишем мы
На катке!

Отвечает лодырям
Серый кот:
— Мне, коту усатому,
Скоро год.

Много знал я лодырей
Вроде вас,
А с такими встретился
В первый раз!

МАСТЕР-ЛОМАСТЕР

Я учиться не хочу.
Сам любого научу.
Я — известный мастер
По столярной части!

У меня охоты нет
До поделки
Мелкой.
Вот я сделаю буфет!
Это не безделка.

Смастерю я вам буфет —
Простоит он сотню лет.

Вытешу из ёлки
Новенькие полки.
Наверху у вас — сервиз,
Чайная посуда.
А под ней — просторный низ
Для большого блюда.

Полки средних этажей
Будут для бутылок.
Будет ящик для ножей,
Пилок, ложек, вилок.

У меня, как в мастерской,
Всё, что нужно, под рукой:
Плоскогубцы, и пила,
И топор, и два сверла,
Молоток,
Рубанок,
Долото,
Фуганок.

Есть и доски у меня.
И даю вам слово,
Что до завтрашнего дня
Будет все готово!

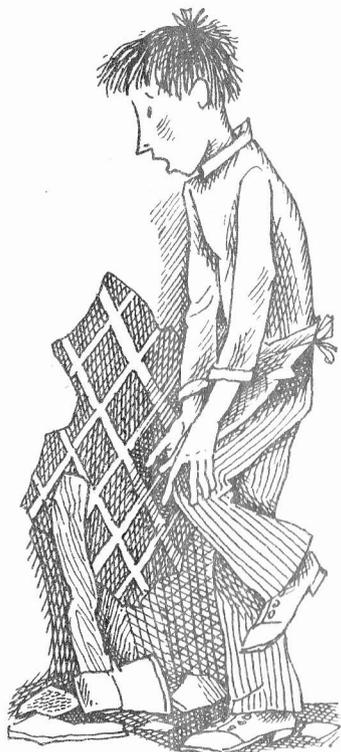
Завизжала
Пила,
Зажужжала,
Как пчела.
Пропилила полдоски,
Вздроснула и стала,
Будто в крепкие тиски
На ходу попала.

Я гоню её вперёд,
А злодейка не идёт.
Я тяну её назад —
Зубья в дереве трещат...

Не даётся мне буфет.
Сколочу я табурет,
Не хромой, не шаткий,
Чистенький и гладкий.

Вот и стал я столяром,
Заработал топором.
Я по этой части
Знаменитый мастер!

Раз, два —
По полену.
Три, четыре —
По колену.
По полену,
По колену,
А потом
Врубился в стену.

Топорище — пополам,
А на лбу остался шрам.

Обойдусь без табурета.
Лучше — рама для портрета.

Есть у дедушки портрет
Бабушкиной мамы.
Только в доме нашем нет
Подходящей рамы.

Взял я несколько гвоздей
И четыре планки.
Да на кухне старый клей
Оказался в банке.

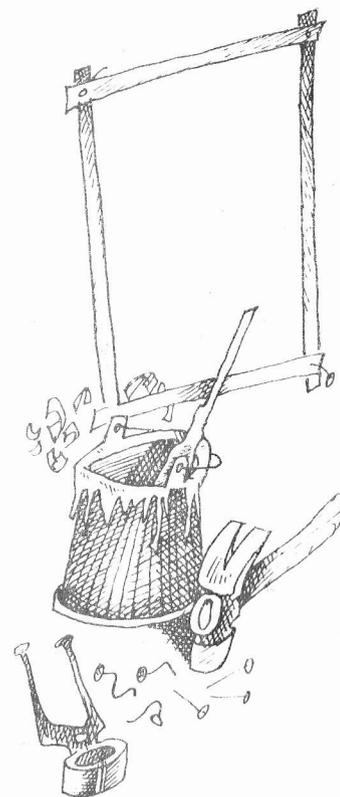
Будет рама у меня
С яркой позолотой.
Загляните вся родня
На мою работу.

Только клей столярный плох:
От жары он пересох.
Обойдусь без клея.
Планку к планке я прибью,
Чтобы рамочку мою
Сделать попрочнее.

Как ударил молотком, —
Гвоздь свернулся червяком.

Забивать я стал другой,
Да согнулся он дугой.

Третий гвоздь заколотил —
Шляпку набок своротил.

Плохи гвозди у меня —
Не вобьёшь их прямо.
Так до нынешнего дня
Не готова рама...

Унывать я не люблю.
Из своих дощечек
Я лучинок наколю
На зиму для печек.

Щепочки колючие,
Тонкие, горючие
Затрещат, как на пожаре,
В нашем старом самоваре.

То-то весело горят!
А ребята говорят:
— Иди,
Столяр,
Разводи
Самовар.
Ты у нас не мастер.
Ты у нас ломастер!

ВОЛК И ЛИСА

Серый волк в густом лесу
Встретил рыжую лису.

— Лисавета, здравствуй!
— Как дела, зубастый?

— Ничего идут дела.
Голова ещё цела.

— Где ты был?
— На рынке.

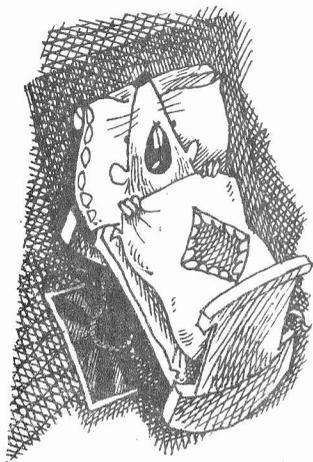
— Что купил?
— Свининки.

— Сколько взяли?
— Шерсти клок.
Ободрали
Правый бок,
Хвост отгрызли
В драке.

— Кто отгрыз?
— Собаки.
— Сыт ли, милый куманёк?
— Еле ноги уволок!

СКАЗКА О ГЛУПОМ МЫШОНКЕ

Пела ночью мышка в норке:
— Спи, мышонок, замолчи!
Дам тебе я хлебной корки
И огарочек свечи.

Отвечает ей мышонок:
— Голосок твой слишком тонок.
Лучше, мама, не пищи,
Ты мне няньку поищи!

Побежала мышка-мать,
Стала утку в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя утка,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку утка:
— Га-га-га, усни, малютка!
После дождика в саду
Червяка тебе найду.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Слишком громко ты поёшь!

Побежала мышка-мать,
Стала жабу в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя жаба,
Нашу детку покачать.

Стала жаба важно квакать:
— Ква-ква-ква, не надо плакать!
Спи, мышонок, до утра,
Дам тебе я комара.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Очень скучно ты поёшь!

Побежала мышка-мать
Тётю лошадь в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя лошадь,
Нашу детку покачать.

— И-го-го! — поёт лошадка.—
Спи, мышонок, сладко-сладко,
Повернись на правый бок,
Дам овса тебе мешок.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош,
Очень страшно ты поёшь!

Стала думать мышка-мать:
Надо курицу позвать.
— Приходи к нам, тётя клуша,
Нашу детку покачать.

Закудахтала наседка:
— Куд-куда! Не бойся, детка!
Забирайся под крыло!
Там и тихо и тепло.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Этак вовсе не уснёшь!

Побежала мышка-мать,
Стала щуку в няньки звать:

— Приходи к нам, тётя щука,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку щука —
Не услышал он ни звука:
Разевает щука рот,
А не слышно, что поёт...

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Нет, твой голос нехорош.
Слишком тихо ты поёшь!

Побежала мышка-мать,
Стала кошку в няньки звать:
— Приходи к нам, тётя кошка,
Нашу детку покачать.

Стала петь мышонку кошка:
— Мяу, мяу, спи, мой крошка!
Мяу-мяу, ляжем спать,
Мяу-мяу, на кровать.

Глупый маленький мышонок
Отвечает ей спросонок:
— Голосок твой так хорош.
Очень сладко ты поёшь!

Прибежала мышка-мать,
Поглядела на кровать,
Ищет глупого мышонка,
А мышонка не видать...

ОТЧЕГО КОШКУ НАЗВАЛИ КОШКОЙ?

Восточная сказка

У старика и старухи
Был котёночек черноухий,
Черноухий
И белощёкий,
Белобрюхий
И чернобокий.

Стали думать старик со старухой:
— Подрастает наш черноухий,
Мы вскормили его и вспоили,
Только дать ему имя забыли.

Назовём черноухого
«Тучей».
Пусть он будет большой
И могучий —
Выше дерева,
Больше дома,
Пусть мурлычет он громче грома!

— Нет, — сказала, подумав, старуха, —
Туча легче гусяного пуха.
Гонит ветер огромные тучи,
Собирает их в серые кучи.
Свищет ветер
Протяжно и звонко.
Не назвать ли нам «Ветром»
Котёнка?

— Нет, старуха, —
Старик отвечает, —
Ветер только деревья качает,

А стена остаётся в покое,
Не назвать ли котёнка
«Стеною»?

Старику отвечает старуха:
— Ты лишился на старости слуха!
Вот прислушайся вместе со мною:
Слышишь, мышка шуршит за стеною?
Точит дерево мышка-воришка.
Не назвать ли нам кошку — «Мышка»?

— Нет, старуха,—
Старик отвечает,—
Кошка мышку со шкуркой съедает.
Значит, кошка
Сильнее немножко!
Не назвать ли нам кошку кошкой?

ВОЛГА И ВАЗУЗА

Русская сказка

Меж болот из малого колодца
Ручеёк, не умолкая, льётся.

Неприметен чистый ручеёк,
Не широк, не звонок, не глубок.
Перейдёшь его через дощечку.
А глядишь — ручей разлился в речку,
Хоть местами речку эту вброд
И цыплёнок летом перейдёт.

Но поят её ключи, потоки,
И снега, и ливни летних гроз,—
И течёт она рекой широкой,
Разливается в спокойный плёс,
Пенится под плечами колёс.

Перед нею путь большой и долгий —
Из лесного края в край степной.
И зовут её рекою Волгой —
Матушкой, кормилицей родной.

Волга — рекам родины царица.
Ни одна не может с ней сравниться.

Высятся над Волгой города.
На волнах качаются суда,
Носят много дорогого груза.
А у Волги есть сестра — Вазуза.
Вьётся Волга, а её сестра
Напрямик течёт, крута, быстра.
Меж камней бурлит она в дороге,
Сердится, катясь, через пороги.

У сестёр-красавиц с давних пор
Был такой между собою спор:
Кто из них сильнее
И быстрее,
Кто из них умнее
И хитрее?

И тянулась тяжба долгий век
У сестёр — у двух соседних рек.
Ни одна не уступала в споре.
Наконец решили: — Ляжем спать,
А проснувшись, побежим опять.
Кто скорее добежит до моря,
Ту и будем старшею считать!

Вот зима постлала им постели
Под широкой крышей ледяной.
Шубою накрыли их метели,
Белою одели пеленой.

Но Вазуза пробудилась рано
Под покровом вешнего тумана
И сестру решила обмануть:
Собралась, да и пустилась в путь.
Говорит: — Прощай, сестрица Волга,
Нежиться во сне ты будешь долго.
Я же той порой по холодку
От тебя подальше утеку,
Выберу дорожку попрямее
И до моря добежать успею!

Пробудилась Волга в свой черёд.
Над собой взломала синий лёд,
Разлилась в полях среди простора,
Напилась холодных вешних вод
И пошла не тихо и не скоро,
Не спеша, не мешкая, вперёд.

Хоть она весной проснулась поздно
И путём извилистым текла,
Но сестру свою догнала грозно,
Гневная, к Зубцову подошла.

И Вазуза, с Волгою не споря,
Просит донести её до моря.
Ей самой, усталой, не дойти —
Не собрала силы по пути.

Что ж, сестра родная — не обуза.
Две реки в пути слились в одну.
С той поры шумливая Вазуза
Будит Волгу каждую весну:

— Просыпайся, старшая сестра,
Пробираться к морю нам пора!..

Гонят волны Волга и Вазуза,
Две реки Советского Союза.

Говорит молва, что до сих пор
У сестёр не утихает спор.
Спорят реки Волга и Вазуза,
Спорят с Доном, Обью и Двиной:
Кто из них подымет больше груза,
Больше рыбы даст земле родной,
Кто прогонит летом больше сплава...

Всем советским рекам — честь и слава!

БЫЛЬ-НЕБЫЛИЦА

Шли пионеры вчетвером
В одно из воскресений.
Как вдруг вдали ударил гром
И хлынул дождь весенний.

От градин, падавших с небес,
От молнии и грома
Ушли ребята под навес —
В подъезд чужого дома.

Они сидели у дверей
В прохладе и смотрели,
Как два потока всё быстрее
Бежали по панели.

Как забурлила в желобах
Вода, сбегая с крыши,
Как потемнели на столбах
Вчерашние афиши...

Вошли в подъезд два маляра,
Встряхнувшись, точно утки, —
Как будто кто-то из ведра
Их окатил для шутки.

Вошёл старик, очки протёр,
Запасся папиросой
И начал долгий разговор
С короткого вопроса.

— Вы, верно, жители Москвы?
— Да, здешние — с Арбата.
— Ну, так не скажете ли вы,
Чей это дом, ребята?

— Чей это дом? Который дом?
— А тот, где надпись «Гастроном»
И на стене газета.

— Ничей, — ответил пионер.
Другой сказал: — СССР.
А третий: — Моссовета.
Старик подумал, покурил
И не спеша заговорил:

— Была владелицей его
До вашего рожденья
Аделаида Хитрово.

Спросили мальчики: — Чего?
Что это значит — Хитрово?
Какое учреждение?

— Не учреждение, а лицо! —
Сказал невозмутимо
Старик и выпустил кольцо
Махорочного дыма.

— Дочь камергера Хитрово
Была хозяйкой дома.
Его не знал я самого,
А дочка мне знакома.

К подъезду не пускали нас,
Но, озорные дети,
С домовладелицей не раз
Катались мы в карете.

Не на подушках рядом с ней,
А сзади — на запятках.
Гонял оттуда нас лакей
В цилиндре и в перчатках.

— Что значит, дедушка, лакей? —
Спросил один из малышей.

— А что такое камергер? —
Спросил постарше пионер.

— Лакей господским был слугой,
А камергер — вельможей,
Но тот, ребята, и другой —
Почти одно и то же.

У них различье только в том,
Что первый был в ливрее,
Второй — в мундире золотом,
При шпаге, с анненским крестом,
С Владимиром на шее.

— Зачем он, дедушка, носил
Владимира на шее?.. —
Один из мальчиков спросил,
Смущаясь и краснея.

— Не понимаешь? Вот чудак!
«Владимир» был отличья знак.
«Андрей», «Владимир», «Анна» —
Так назывались ордена
В России в эти времена.
Сказали дети: — Странно!

А были, дедушка, у вас
Медали с орденами?

— Нет, я гусей в то время пас
В деревне под Ромнами.
Мой дед привёз меня в Москву
И здесь пристроил к мастерству.
За это не медали,
А тумачи давали!..

Тут грозный громовой удар
Сорвался с небосвода.

— Ну и гремит! — сказал маляр.
Другой сказал: — Природа!..

Казалось, вечер вдруг настал,
И стало холоднее,
И дождь сильнее захлестал,
Прохожих не жалея.

Старик подумал, покурил
И, помолчав, заговорил:

— Итак, опять же про него,
Про господина Хитрово.

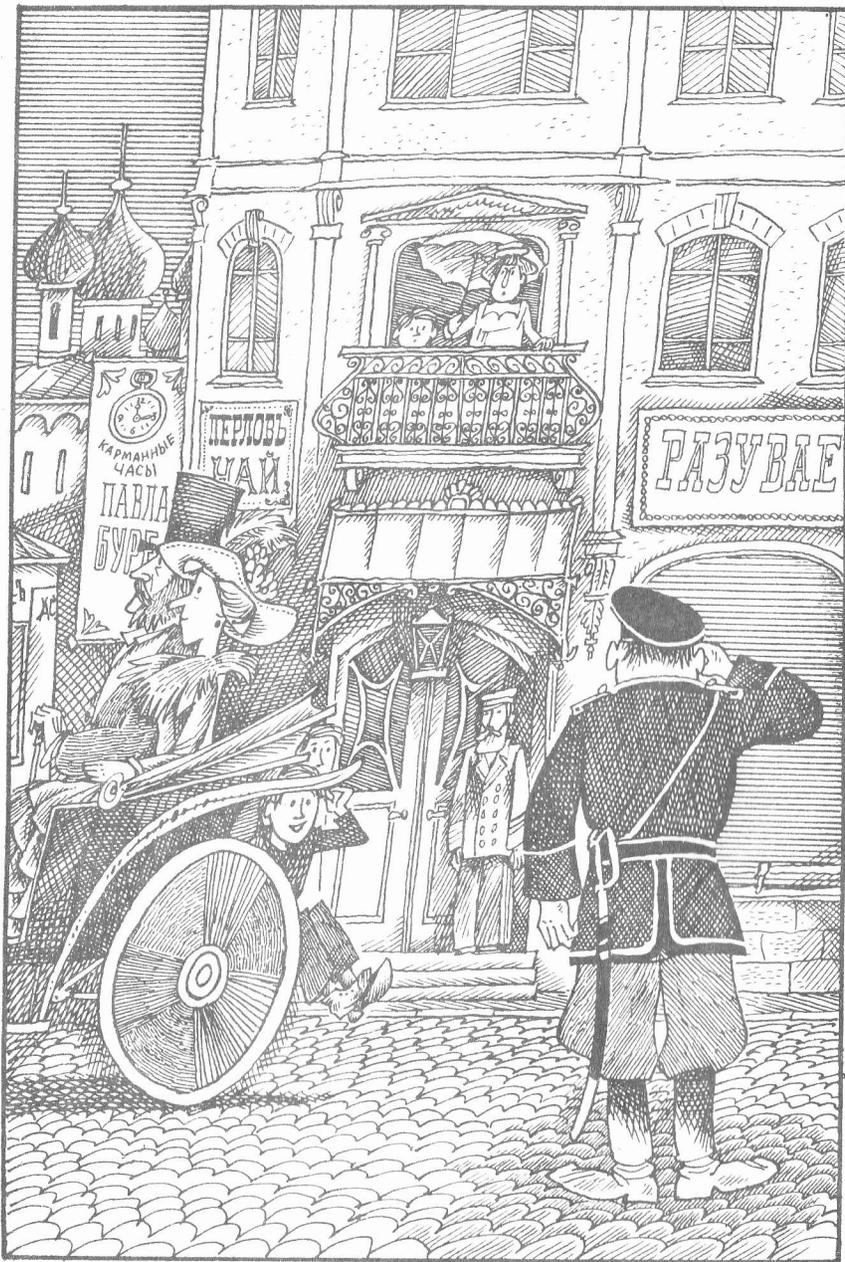
Он был первейшим богачом
И дочери в наследство
Оставил свой московский дом,
Имения и средства.

— Но неужель жила она
До революции одна
В семиэтажном доме,
В авторемонтной мастерской,
И в парикмахерской мужской,
И даже в «Гастрономе»?

— Нет, наша барыня жила
Не здесь, а за границей.
Она полвека провела
В Париже или в Ницце,
А свой семиэтажный дом
Сдавать изволила внаём.

Этаж сенатор занимал,
Этаж — путейский генерал,
Два этажа — княгиня.

Ещё повыше — мировой,
Полковник с матушкой-вдовой,
А у него над головой —
Фотограф в мезонине.

Для нас, людей, был чёрный ход,
А ход парадный — для господ.

Хоть нашу братию подчас
Людьми не признавали,
Но почему-то только нас
Людьми и называли...

Мой дед арендовал
Подвал.
Служил он у хозяев.
А в «Гастрономе» торговал
Тит Титыч Разуваев.

Он приезжал на рысаке
К семи часам — не позже,
И сам держал в одной руке
Натянутые вожжи.

Имел он знатный капитал
И дом на Маросейке.
Но сам за кассою считал
Потёртые копейки.

— А чаем торговал Перлов,
Фамильным и цветочным, —
Сказал один из маляров.
Другой ответил: — Точно!

— Конфеты были Ландрина,
А спички были Лапшина,
А банею торговой
Владели Сандуновы.

Купец Багров имел затон
И рыбные заводы.
Гонял до Астрахани он
По Волге пароходы.

Он не ходил, старик Багров,
На этих пароходах,
И не ловил он осетров
В привольных волжских водах.

Его плоты сплавлял народ,
Его баржи тянул народ,
А он подсчитывал доход
От всей своей флотилии
И самый крупный пароход
Назвал своей фамилией.

На белых вёдрах вдоль бортов,
На каждой их семёрке,
Была фамилия «Багров» —
По букве на ведёрке.

— Тут что-то, дедушка, не так.
Нет буквы для седьмого!
— А вы забыли твёрдый знак! —
Сказал старик сурово.—

Два знака в вашем букваре.
Теперь не в моде твёрдый.
А был в ходу он при царе,
И у Багорова на ведре
Он красовался гордо.

Была когда-то буква «ять»...
Но это — только к слову.
Вернуться надо нам опять
К покойному Багрову.

Скончался он в холерный год,
Хоть крепкой был породы.
А дети продали завод,
Затон и пароходы...

— Да что вы, дедушка! Завод
Нельзя продать на рынке.
Завод — не кресло, не комод,
Не шляпа, не ботинки.

— Владелец волен был продать
Завод кому угодно,
И даже в карты проиграть
Он мог его свободно.

Всё продавали господа:
Дома, леса, усадьбы,
Дороги, рельсы, поезда,—
Лишь выгодно продать бы!

Принадлежал иной завод
Какой-нибудь компании:
На Каме трудится народ,
А весь доход — в Германии.

Не знали мы, рабочий люд,
Кому копили средства.
Мы знали с детства только труд
И не видали детства.

Нам в этот сад закрыт был вход.
Цвели в нём розы, лилии.
Он был усадьбою господ —
Не помню по фамилии...

Сад охраняли сторожа.
И редко, только летом,

В саду гуляла госпожа
С племянником-кадетом.

Румяный, маленький кадет,
Как офицерик, был одет
И хвастал перед нами
Мундиром с галунами.

Мне нынче вспомнился барчук,
Хорошенький кадетик,
Когда суворовец — мой внук —
Прислал мне свой портретик.

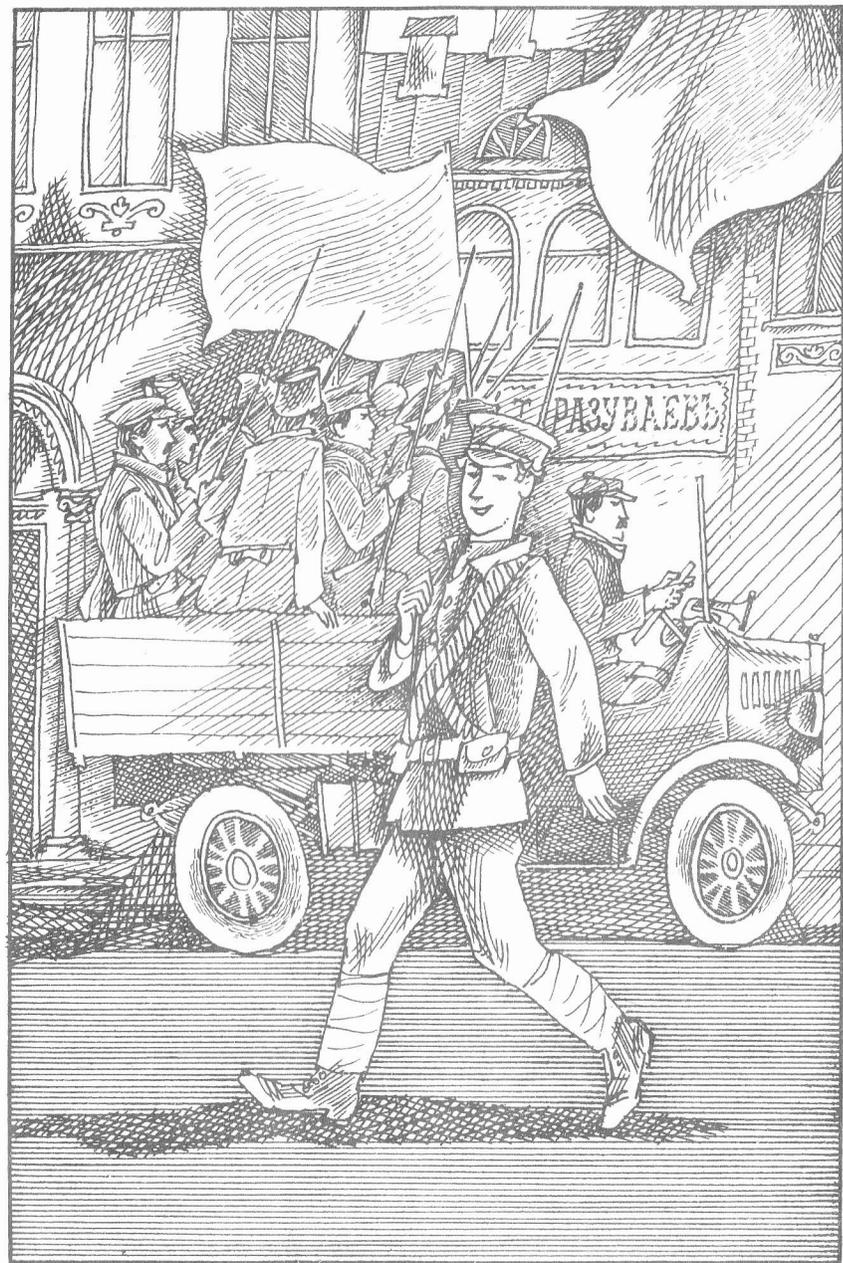
Ну, мой скромнее не в пример,
Растёт не по-кадетски.
Он тоже будет офицер,
Но офицер советский.

— А может, выйдет генерал.
Коль учится примерно! —
Один из маляров сказал.
Другой сказал: — Наверно!

— А сами, дедушка, в какой
Вы обучались школе?
— В какой?
В сапожной мастерской
Сучил я дратву день-деньской
И натирал мозоли.

Я проходил свой первый класс,
Когда гусей в деревне пас.

Второй в столице я кончал,
Когда кроил я стельки
И дочь хозяйскую качал
В скрипучей колыбельке.

Потом на фабрику пошёл —
И кончил забастовкой.
И уж последнюю из школ
Прошёл я под винтовкой.

Так я учился при царе,
Как большинство народа,
И сдал экзамен в Октябре
Семнадцатого года!

Нет среди вас ни одного,
Кто знал во время оно
Дом камергера Хитрово
Или завод Гужона...

Да, изменился белый свет
За столько зим и столько лет.
Мы прожили не даром.
Хоть нелегко бывало нам,
Идём мы к новым временам
И не вернёмся к старым.

Я не учён. Зато мой внук
Проходит полный курс наук.

Не забывает он меня
И вот что пишет деду:
«Пред лагерями на три дня
Гостить к тебе приеду.
С тобой ловить мы будем щук,
Вдвоём поедem в Химки...»
Вот он, суворовец — мой внук
С товарищем на снимке!
Прошибла старика слеза,
И словно каплей этой
Внезапно кончилась гроза.
И солнце хлынуло в глаза
Струёй горячей света.

СОДЕРЖАНИЕ

Наш герб	3
Книжка про книжки	4
Почта	11
Пожар	17
Вчера и сегодня	23
Вот какой рассеянный	28
Багаж	32
Знаки препинания	35
Кот и лодыри	37
Мастер-ломастер	39
Волк и Лиса	43
Сказка о глупом мышонке	44
Отчего кошку назвали кошкой?	47
Волга и Вазуза	49
Быль-небылица	52

Самуил Яковлевич Маршак

Сказка и быль

Для детей дошкольного возраста

Редактор А. С. Деружинский. Художественный редактор В. И. Клименко. Технический редактор Т. М. Сокол. Корректор Н. А. Давыденко.

ИБ № 234

Сдано в набор 25/XI 1976 г. Подп. к печати 10/II 1977 г. Тираж 450 000 экз. Формат 60×90^{1/16}. Бумага офс. № 1. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 3,31. Зак. 3771. Цена 24 коп.

Издательство «Мастацкая літаратура» Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Свердлова, 4.

Полиграфический комбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Минск, Красная, 23.

